

Один человек, два человека. Когда впереди люди выходили и его очередь подошла, с дрожащим сердцем встал с места и вошёл в кабинет. Врач и медсестра внутри ждали двоих. Хабин, сев перед врачом с понурым лицом, оглядываясь на врача, открыл рот.

— А, здравствуйте.

— Здравствуйте. По какому вопросу пришли?

— Я, я забеременел...

— Беременность? Вы подтвердили тестом на беременность или УЗИ?

— Да. Я УЗИ только что сделал и там мне сказали, что беременность.

— Доктор, таблетка для аборта есть?

Чихван внезапно вмешался. Хабин, оттолкнув Чихвана, останавливая, говоря не надо, но он не был тем, кто слушает. Чихван упрямо продолжал говорить.

— Он не женат и сейчас встречается ни с кем, так что беременным быть нельзя. Ребёнка делать аборт будем, можем же?

— Таблетку можно принять, а если срок чуть больше пройдёт, есть и хирургический метод. Отца ребёнка не знаете?

На вопрос врача Хабин немного подумал и покачал головой.

— Что не знает, знает!

— Нет, не то... Знаю... Господин Севон же.

— Да, Кан Севон. Этот ублюдок отец ребёнка.

— Угу...

Опустив голову, вспомнил Севона. Во сне не знает, что он беременный. Если узнает, какую реакцию покажет? Как хён, скажет сразу сделать аборт, или, может быть, скажет, что возьмёт ответственность? Когда кусал губы, Чихван, спрашивая о чём так усердно думаешь, постучал по плечу.

— Так что делать будешь.

— Угу, а?

— Говорит, что сейчас здоровье очень плохое.

— Да. Еду не могу есть, и так здоровье очень плохое. Даже так таблетку принять можно?

— Тогда в любом случае хорошо отдохните и снова в больницу придёте? Господин Хабин тоже ребёнка хочет сделать аборт?

— Нет... Немного отдохнув, прийти можно?

— В любом случае важно делать так, как хочет пациент.

— Нельзя! А, правда, с ума сойти...

Чихван, словно задыхаясь, стуча по груди, закричал. Врач молча наблюдал за этим, потом перевёл взгляд на Хабина. Хабин по-прежнему сидел, низко опустив голову.

— Как ни говори, человек, у которого ребёнок – господин Ким Хабин, и поэтому право решения тоже у господина Хабина. Если немного пройдёт, может захотеться сделать аборт или станет страшно брать ответственность, и захочется прийти в больницу. Член семьи тоже подождите немного.

— Эх, этот глупый ублюдок...

От руки, стукнувшей по голове, слёзы чуть выступили. От слишком жестокого, чересчур жестокого вида хёна нахлынула обида. Просто утешь – что, испортится что-то? Мне тоже сейчас страшно.

Почесав переносицу, кивнув головой и встав с места, вышел из кабинета. Словно ждал, Чихван, ругая Хабина, начал читать нотации.

— Поэтому хёна слушай хорошо, сколько раз говорил.

— Это всё хён заставил же.

— Я заставил, что заставил!

— Хён с тем человеком встретиться заставил!

— Кто услышит, подумает, что я тебя забеременеть заставил?!

Медсестра, оглядывающаяся сбоку, говоря успокойтесь, вытащив двоих наружу, усадила в зале ожидания и подробно начала объяснять. На слова, что пока нужно беречь тело и еду тоже осторожно есть, Чихван, глубоко вздохнув, устался на Хабина. Хабин, игнорируя такого хёна, кивнул головой.

— Поняли?

— Да.

— Тогда когда в следующий раз придёте, решите, как будете делать, и приходите.

— Понял.

— До следующего раза что идти. Просто аборт сделай.

На голос Чихвана, продолжающего убеждать сделать аборт, Хабин заткнул уши.

— Без отца ребёнка омега один ребёнка родит и растить будет – такого не скажешь? Ребёнку тоже нельзя так делать.

— ...Я тоже знаю.

— Знающий так делает?

— Но всё же мне время подумать нужно. Чем больше хён по-своему делает, тем больше

неприятие чувствую.

— Ты почему так? Послушай хёна - что, испортится что-то?

— Не знаю...

Не могло быть, чтобы он смог превзойти красноречие хёна. Хабин, плотно закрыв рот, встав с места, вышел из больницы. Чихван, делая оплату, поспешно последовав, поймав лифт и встав рядом, заговорил с Хабином.

— Хён всё думая о тебе, говорит, знаешь?

— Знаю...

— Поэтому слишком обиженным не думай и обязательно аборт сделай.

— Не знаю.

— Что не знаешь. Ты правда думаешь один ребёнка растить?

— А, я тоже не знаю, говорю.

Ничего не было решено. Пока голова в смятении, Чихван продолжал приставать, говоря сделать аборт. Но странно - чем больше хён говорил, тем больше возникало странное чувство, что делать ещё меньше хочется. Это что за бунтарство опять? Я же не ребёнок.

Хотелось увидеть ребёнка. Моего ребёнка в животе.

Вернувшись домой, кое-как сбросив верхнюю одежду, Хабин забрался в кровать, накрылся одеялом и заморгал глазами. От усталости казалось, что так можно заснуть. Чихван, глядя на такого Хабина, глубоко вздохнув, прислонился к двери комнаты и скрестил руки.

— Ким Хабин.

На голос хёна, зовущего его имя, Хабин чуть опустил одеяло, выставив только глаза, и посмотрел на хёна.

— Что.

— Ты ничего съесть не хочешь?

— Я сейчас если что съем, вырвет, кажется...

— Таблетку от токсикоза получил же. Её прими и поешь.

— Ааа... Но я курочку хочу, курочку.

— Курочку?

— Жареную курочку.

— Понял. Ещё что?

— Колу тоже...

— Хорошо, сейчас сначала таблетку прими.

Чихван, перебирая телефон, вышел из комнаты, а Хабин перевернулся и, глядя на стену, погрузился в размышления.

Если бы с Севоном был вместе, что бы он сказал? Этот вопрос не покидал голову. Правда он тоже сказал бы сделать аборт? Каждый раз, когда закрывал и открывал глаза в повторяющихся мыслях, лицо Севона мелькало перед глазами. Желание увидеть было огромным.

Разве нельзя хоть раз увидеть и вернуться... Перебирая одеяло, колеблющийся Хабин снова переворачивался и закрывал глаза, когда Чихван, постучав в дверь, вошёл внутрь. Хабин, вздрогнув, встал с места и встретил Чихвана. Когда спросил, что такое, Чихван, говоря давай поговорим, присев на кровать, погладил лицо Хабина.

— Что это, противно.

— В последнее время совсем не ешь, поэтому лицо так испортилось?

— Похоже на то.

— Ай, жалко, что делать.

— Я тоже не знаю. И так тяжело, а хён ещё тяжелее делает.

— Я тебе ещё тяжелее делаю?

— Да...

— Я хочу помочь тебе.

— Это помогать? Что помогать?

— Ну, как хён помогаю, чтобы ты неправильный выбор не сделал.

— Почему это неправильный выбор? По-своему мудро думаю.

Не мог понять. Моё дело, а я должен решать, почему хён судит и приказывает? Разве я не могу по-своему делать? Когда Хабин раздражался, Чихван по-прежнему с полным беспокойства лицом покачал головой.

— Насколько тяжело омеге одному ребёнку растить.

— Я не говорил, что сразу растить буду, и даже если один буду растить, смогу.

— Да. Если скажешь растить, с деньгами как будешь делать? Справишься?

— Справлюсь. Работая, деньги зарабатывая, как-нибудь получится!

На вид уверенно говорящего Хабина Чихван, усмехнувшись, обнял плечи Хабина.

— Да, твои мысли все понял, но всё же в мире есть вещи, которые одним желанием не делаются.

— ...Но всё же потому что господина Севона ребёнок, делать аборт не хочу.

— С Кан Севоном расстался. Он тобой теперь даже не интересуется, говорю? Что ещё осталось, что так один хлюпаешь носом?

— Не хлюпаю носом, а просто...

— Хватит, а? Мы без родителей росли, насколько тяжело было, ты тоже знаешь.

На слова Чихвана Хабин не мог ответить. Хорошо знал, насколько Чихван намучился без родителей, растя его. Но сердце было не как мысли. Увидел видео с ребёнком и, думая, что в животе вынашиваю, было трудно расстаться. Я могу стать хорошей мамой...

— Даже если родишь, Кан Севону сказать сможешь? Не сможешь. И если скажешь, думаешь, он ответственность возьмёт?

Когда упомянул даже Севона, больше сказать было нечего. Не было ничего, что мог гарантировать. Хабин с понурым лицом резко накрылся одеялом и, говоря хватит, прервал разговор. Чихван, говоря хорошо подумай, один раз проведя по спине Хабина, встав с места, собирался выйти из комнаты.

— Курочку есть будешь?

— ...Да.

— Но всё же беременность есть беременность, токсикоз, так что жалко. Быстрее ребёнка уберёшь - меньше тяжело будет.

— А, не знаю, хватит.

— Что не знаешь. Хён, когда курочка придёт, позовёт, так что немного отдохни.

— Понял.

После того как Чихван вышел, спокойно лежавший Хабин достал телефон. Если так останется, казалось, не выдержав настояний Чихвана, таблетку примет. Хотелось сбежать.

С желанием уехать далеко, ища то и это, увидел комнату в провинции. Если дёшево и можно долго оставаться, был бы доволен.

— Пусан - место, куда с господином Севоном тоже ездили, так что хорошо будет...

Пока искал комнату в Пусане, прибыла курочка, и послышался голос Чихвана, зовущего его имя. Испугавшийся Хабин быстро спрятал телефон и, еле двигая затёкшим телом, вышел в гостиную. В гостиной была разложена курочка. Вкусно выглядит. Облизывая губы, когда Хабин подошёл, говоря быстрее иди, протянул палочки.

— Хён, хён.

— А.

— Мне колу тоже дай.

— Колу дать хотел. стакан подними.

— Вот.

Когда поднял стакан, Чихван, наполнив колой доверху, говоря медленно ешь, сказал, и сам палочками взял одну курочку. Обе куриные ножки уступил, Хабин говорил, что можно, но Чихван, притворяясь безразличным, со словами ты всё ешь, оторвал крылышко.

— Немного входит?

— Угу. Вкусно.

— Пока больше не намучился, быстрее ребёнка убери.

У Хабина не было ответа. Чихван один тараторил.

— И пока будешь восстанавливаться, я домой часто приходите и за тобой смотреть буду, так что не беспокойся.

— Нет, нормально же.

— Какое нормально. Сейчас тоже цвет лица такой нехороший. Ребёнок лицо бледное, правда измождённо выглядит. Губы тоже сухие, так что ужасно больным выглядишь.

— Я так некрасиво выгляжу?

— Не то чтобы некрасиво выглядишь, а в любом случае красиво, но как больной человек.

От кое-как отговаривающихся слов скиснувшийся Хабин, ковыряясь, двигал палочками. Чихван, говоря колу тоже пей, всунул стакан в руку.

Хён так хорошо к нему относился, но всё равно пока желания сделать аборт не возникало. Если можно растить, хотелось бы растить... Мельком оглядываясь на Чихвана, усердно грыз курочку. Когда ещё смогу поесть, не знаю, так что в такое время надо поесть – такие были мысли.

То и дело подступала тошнота и мутило, но всё равно, наверное, потому что хотелось съесть, довольно подходило по вкусу, к счастью. Съев курочку и разговаривая с Чихваном о том о сём, уже время стало поздним. Хён вернулся домой, а Хабин один лёг на кровать и погрузился в размышления.

Ребёнок Севона и его самого в животе. Хотелось сообщить об этом удивительном деле и ему. Желание связаться с Севоном было огромным. Если назвать предлогом, можно было назвать предлогом, но всё равно хотелось услышать голос.

Но и в этот раз точно не примет. И даже если скажу ему, он ничего не сможет сделать. Скажет сделать аборт... Страшно. Боялся услышать его ответ.

— Делать аборт не хочу...

Обняв живот и повернувшись на бок, смотрел на стену. Слезы струйками потекли. Обидное чувство поднялось. Почему я должен так мучиться?

Не хотел такой жизни. Может, потому что желал сверх меры? Вытирая слёзы тыльной стороной ладони, всхлипывающий Хабин, уткнувшись лицом в подушку, зарыдал.

Только поплакав некоторое время и придя в себя, внутри было нехорошо, словно вырвет. Потирая живот, встав с места, Хабин с напряжённым выражением достал рюкзак.

Хоть и импульсивно, но собирался ехать в Пусан. В любом случае если спущусь, как-нибудь получится. Не хотел продолжать оставаться в Сеуле, мучаясь от Чихвана. Планировал делать, как хочется.

Набив полно нижнего белья и одежды, верхнюю одежду тоже положил. Этого хватит, наверное. Когда разогнул согнувшуюся поясницу, в глаза бросился беспорядочный дом. Поеду и некоторое время не приду, так что дом немного убрать и поехать было бы хорошо... Хабин, осматривая маленькую гостиную, кое-как убираясь, перевёл дыхание.

Точно, раз тело болит, даже немного двигаясь, было тяжело. Прибрав до кухни и закончив принимать душ, только теперь казалось, что готов уехать. Планировал, как только завтра станет рассветом, сесть на поезд и спуститься в Пусан. Не знал, когда хён нагрет. Максимально не хотел столкнуться.

На следующий день, как планировал, рано проснувшийся Хабин, взяв сумку с вещами, направился на вокзал. Хоть и ранее время, внутри вокзала было шумно. В железнодорожный вокзал, куда впервые пришёл в жизни, Хабин, крепко схватив ляжку сумки, в неловкой позе робко направился искать платформу.

— Людей ужасно много.

С утра людей, ждущих поезд, было довольно много, так что не страшно было, но вдруг не там ли он стоит, испугавшись, снова и снова проверял экран. Сверив номер поезда и время, проверив даже номер вагона, только тогда успокоившись, сев на ближайший стул, отрешённо наблюдал за людьми.

Все привычно занимались своим делом. Слушая музыку, читая книгу, или смотря в телефон, или разговаривая по телефону – одни только занятые люди. Казалось, свободный человек только он сам.

И, наверное, сбежавший так человек тоже только я... Хабин, перебирая холодный нос, ждал, когда войдёт поезд.

Вскоре на объявление, что поезд прибывает, поспешно встав в очередь, сел в поезд.

Впервые в жизни сев в скоростной поезд, условия были хорошими. На этом до Пусана несколько часов ехать? Уже взволнованный Хабин, улыбаясь во весь рот, сев на место, обняв сумку, смотрел в окно.

На платформе люди, ждущие другой поезд, зевали. Хоть ситуация серьёзная, без толку продолжал смеяться. Я спятил что ли...

— Так радоваться не о чем...

Вид себя самого, казавшийся слишком безответственным, чувствовался немного жалким, но хорошее есть хорошее, не лучше ли проводить время светло, такие мысли тоже были.

Творю всякую фигню по жизни. Когда поезд медленно отправился и начал удаляться от Сеула, где хён, напряжение ослабло, и запоздало нахлынула усталость. Казалось, сейчас усну.

Задремавший Хабин открыл глаза. Живот был голоден. Порылся в сумке, но еды не было видно. Как только прибуду в Пусан, сначала поесть надо, подумав так, снова глубоко уткнувшись, закрыл глаза. Не казалось, что смогу заснуть, но хотелось отдохнуть. Поезд тихо ехал.

Было много мыслей. Знал, что хён думает о нём, но хотелось увидеть ребёнка. Наверное, потому что ребёнок между Севоном и им самим, ещё больше такие мысли возникали. Мысль, что хочется сказать и ему тоже, не прекращалась. Так нельзя, собираясь с духом снова и снова, но было тяжело.

Пока размышлял, поезд уже прибыл на станцию Пусан.

Выйдя из поезда и войдя внутрь вокзала, люди занято проходили туда-сюда. В любом случае казалось, голод надо утолить. Войдя в виднеющийся поблизости ресторан, заказав один удон и сев, достал телефон. Сердце трепетало, что от хёна позвонят.

— Удон готов.

— Да, спасибо.

Горячий пар клубился. Зачерпнув ложку бульона и выпив, взял лапшу. Фуфу подув и поднеся ко рту, пошёл солоноватый умами вкус. Наспех опустошив одну миску удона и положив палочки, только тогда казалось, что сознание вернулось.

Я правда в Пусане. Одни только впервые виденные места, глаза бегали туда-сюда.

Думая, что от хёна позвонят, переведя телефон в режим полёта, включил вай-фай. Так даже если позвонит, не соединится, такие были мысли. Чтобы поехать в заранее найденное жильё, раздумывая, на автобусе ехать или на такси, показалось, что добираться будет трудно, так что поймал такси и сел.

Сказав адрес и удобно сев, смотря в окно, водитель такси заговорил с Хабином. Откуда приехал, сколько лет, чем занимается и так далее – болтающему без умолку водителю такси Хабин, наполовину потеряв душу, должен был отвечать.

— Спасибо.

— В Пусане хорошо отдохните.

— Да...

С ещё более уставшим лицом, чем до посадки в такси, вышедший Хабин, войдя в комплекс вилл, пошёл искать дом. Довольно неплохое место было. Поблизости и супермаркет есть, и круглосуточный магазин есть. Оглядываясь, осматривая окрестности, открыв дверь, вошёл. В глаза с одного взгляда бросился чисто убранный дом.

Не роскошная комната в отеле, как когда приезжал в Пусан вместе с Севоном, но одному жить было достаточно. Неплохо. Опустив сумку и плюхнувшись на кровать, отрешённо осматривая дом, Хабин плавно лёг на бок и закрыл глаза. Усталость нахлынула как волна. Поле зрения стало смутным, и так провалился в сон.

<http://bllate.org/book/15019/1569993>